
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Научная статья

УДК 93/94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-7-32

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ

Аслан Хажисмелович Боров

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия,
aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

© А.Х. Боров, 2025

Аннотация. Выявление и прочтение «смысла» истории региона не может быть результатом эмпирических, конкретно-исторических исследований прошлого. «Смысл» – это выражение частного в общих понятиях. Теории эволюции и модернизации содержат категориальный аппарат, позволяющий интерпретировать, т.е. выявить смысл регионального исторического опыта в его отношении к проблемам современности. Концепция качественных структурных изменений как содержания социальной эволюции задает принципиальную основу для интерпретации истории региона. Концепция специфической и общей эволюции позволяет синтезировать в интерпретации результаты социокультурного (цивилизационного) и модернизационного анализа исторического материала, а также выявить глубинную темпоральную структуру истории региона, включающую в себя: (а) фазу специфической эволюции/традиционного общества, (б) фазу перехода/кризиса традиции, (с) фазу общей эволюции/модернизации. Изменения характера среды, природы вызовов, к которым должна адаптироваться региональная социокультурная система, и структурные изменения, происходящие в ней в ответ на эти вызовы, формируют индивидуальный исторический профиль региона. Качественные различия в природе адаптации, с одной стороны, к природной или социально-политически «близкой» среде позднего средневековья и раннего нового времени, а с другой – к социально-экономическим и культурным формам жизнедеятельности общества модерна конца XX в. позволяют решить вопрос о критериях завершенности модернизации.

Ключевые слова: Россия, Кабардино-Балкария, история, интерпретация, эволюция, модернизация

Для цитирования: Боров А.Х. Концептуальные основы интерпретации региональной истории: теории эволюции и модернизации // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 7–32. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-7-32

Original article

CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR THE INTERPRETATION OF REGIONAL HISTORY: THEORIES OF EVOLUTION AND MODERNIZATION

Aslan Kh. Borov

«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia,
aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

© A.Kh. Borov, 2025

Abstract. Identifying and interpreting the “meaning” of a region’s history cannot be the result of empirical, concrete historical research into the past. “Meaning” is an expression of the particular in general terms. Theories of evolution and modernization contain a categorical apparatus that allows for interpretation, i.e., the identification of the meaning of regional historical experience in relation to contemporary problems. The concept of qualitative structural changes as the content of social evolution provides the fundamental premise for interpreting regional history. The concept of specific and general evolution allows for the synthesis of the results of sociocultural (civilizational) and modernization analyses of historical material in interpretation, as well as the identification of the deep temporal structure of a region’s history, including: (a) the phase of specific evolution/traditional society, (b) the phase of transition/crisis of tradition, (c) the phase of general evolution/modernization. Changes in the nature of the environment, the nature of the challenges to which the regional sociocultural system must adapt, and the structural changes occurring within it in response to these challenges shape the individual historical profile of a region. Qualitative differences in the nature of adaptation, on the one hand, to the natural or socio-politically “close” environment of the late Middle Ages and early modern times, and on the other hand, to the socio-economic and cultural forms of life of the modern society of the late 20th century, make it possible to resolve the issue of the criteria for the completion of modernization.

Keywords: Russia, Kabardino-Balkaria, history, interpretation, evolution, modernization

For citation: Borov A.Kh. Conceptual framework for the interpretation of regional history: theories of evolution and modernization. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 7–32. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-7-32

Введение

Начну с краткого изложения характеристики исторического сознания и исторического познания, с которой начинает свою книгу 2005 года выдающийся методолог Йорн Рюсен [Rüsen 2005]. Он замечает, что память стала фундаментальным условием человеческой жизни, поскольку люди утратили ориентиры, основанные на природных инстинктах, и вынуждены заменить их культурной системой ориентации. Человеческое время предстает не в predetermined порядке биологической системы, а как изменение мира, которое необходимо привести в культурный порядок значимости и смысла. Оно должно быть понято посредством осмысления его опыта как предмета интерпретации. *Благодаря интерпретации время обретает смысл и становится историей.* История – это время, обретшее смысл и значение, это процесс осмысления временного порядка человеческой жизни, *основанный на опыте и движимый взглядами на будущее.* Формой, в которой воплощается интерпретация является нарратив, историческое повествование. Нарратив преобразует прошлое в историю; он объединяет опыт и ожидание – два основных временных измерения человеческой жизни [Rüsen 2005: 1–2].

Можно ли обойти стороной эти соображения, если ставится задача подготовить обобщающую историю Кабардино-Балкарии? Написать обобщающую историю региона значит не просто изложить все, что более или менее достоверно известно о происходившем здесь «с древнейших времен до наших дней», но также интерпретировать, истолковать, придать ей определенный смысл. Осмысливать не какое-то отдельное событие, а длительное историческое время, наполненное множеством событий и включающее большие периоды, можно только с помощью широких понятий, категорий, вырабатываемых социальной теорией.

Цель последующего анализа заключается в оценке продуктивности применения категорий современных теорий социальной эволюции и модернизации к общей интерпретации истории Кабардино-Балкарии во взаимосвязи всех ее временных модусов и в перспективе актуальных проблем ее современного развития.

Почему эти теории? Во-первых потому, что опыт мировой социально-исторической мысли свидетельствует об их познавательной эффективности и способности к развитию. Во-вторых, при спорности их отдельных версий и универсалистском масштабе их актуального бытования в науке, они могут оказаться плодотворными и для исторической регионалистики. Пространственный масштаб, скажем,

Центрального Кавказа как локуса разворачивания истории Кабардино-Балкарии, весьма мал. Но как историческая область она существует около шести столетий, что вполне ложится на эволюционную шкалу времени. Отвлекаясь от политического, событийного наполнения исторического процесса, от противоречий, отступлений, неравномерности социально-культурных трансформаций, можно видеть, что эти шесть столетий вмещают в себя глубокое преобразование и окружающего регион исторического мира и его собственного социально-культурного устройства. Это преобразование очевидным образом вело к обретению местным обществом современных форм экономики, социальности и культуры, т.е. к модернизации.

Но, может быть, главное не в том, что можно зафиксировать эволюционную и модернизационную динамику в прошлом, а в том, что эволюция продолжается, хотим мы этого или не хотим, и этот глобальный эволюционный процесс будет определять судьбы локальных сообществ, независимо от того, осознают они это или не осознают. В психологии личности используется понятие *временная перспектива*, обозначающее полную совокупность существующих в данный момент времени представлений индивидуума о своем психологическом будущем и психологическом прошлом [Юнина-Пакулова, Сидоренко 2025]. В структуре личности они могут присутствовать неосознанно. Но современное общество не может себе позволить «неосознанного» функционирования. Судьба Кабардино-Балкарии как локального человеческого сообщества зависит, в том числе, от того будут ли оно взаимодействовать с глобальным эволюционным процессом как социальный субъект – рационально и проактивно, или как социальный объект – неосознанно и «реактивно» или инертно. Обретение субъектности по отношению к современному эволюционному процессу предполагает способность общества к рациональной рефлексии, которая не может быть обращена только к актуальной ситуации и к перспективе, а должна носить всеобъемлющий характер.

Краткий, но весьма содержательный обзор современного состояния теорий эволюции осуществлен Н.Н. Крадиным и А.В. Коротаевым в издании 2014 г. [Крадин, Коротаев 2014]. Более углубленный анализ теоретических проблем эволюционизма был ранее осуществлен А.В. Коротаевым [Коротаев 2003]. Наконец, развернутый анализ истории и актуальных тенденций развития теорий социальной и культурной эволюции можно найти в работах С.К. Сандерсона и Р.Л. Карнейро [Sanderson 1990; Sanderson 2007; Carneiro 2003]. В рамках этой работы будут рассматриваться только некоторые из основных понятий эволюционной теории, непосредственно связанные с решением ее задач.

Гораздо более активно и широко в социальной и исторической науке современной России обсуждалась проблематика модернизации, как в общем теоретическом, так и в историографическом плане. Даже простой библиографический обзор этой литературы занял бы слишком много места. Я ограничусь ссылкой на несколько публикаций, которые носят как раз обзорный характер и дают достаточно полное представление о современном состоянии модернизационных исследований [Опыт российских... 2000; Побережников 2006; Масловский 2008; Ефременко, Мелешкина 2014; Побережников 2017; Поплавский и др. 2017; Сперанский, Сперанский 2019].

Поскольку цель данной работы носит прикладной характер и адресована она не специалистам в области теорий эволюции и модернизации, а региональному сообществу профессиональных историков, в ней, прежде всего, предпринята попытка дать внятное представление о базовых положениях указанных теорий. При этом, я стремился, насколько возможно, опираться на «первоисточники», на основополагающие труды зарубежных исследователей, но там, где они были недоступны, использовал изложение и анализ теорий эволюции и модернизации в отечественной литературе.

Теория эволюции

Эволюция идеи

В своей вступительной лекции в Коллеж де Франс в 1933 г. Л. Февр говорил о высоком социальном статусе, достигнутом исторической наукой к концу XIX в., но скептически оценивал ее «философию»: «С грехом пополам слаженная из формул, заимствованных у Огюста Конта, Тэна и Клода Бернара, она зияла бы дырами и трещинами, если бы их не скрывала широченная и мягчайшая подушка эволюционизма, как нельзя более кстати пригладившаяся для этой цели» [Февр 1991: 11]. Здесь отразились сразу два обстоятельства – и доминирующее положение эволюционизма как общеисторической теории во второй половине XIX в., и критическое отношение к нему, утвердившееся в первой трети XX в. среди антропологов и историков.

Но уже в 1940–1950-х гг. трудами Л. Уайта, Дж. Стюарда, В.Г. Чайлда происходит возрождение эволюционистских идей и оформляется то, что в литературе обозначается как неозволюционизм. Его расцвет специалисты относят к 1960–1970-м гг., когда он, благодаря трудам М. Харриса, Р.Л. Карнейро, М.Д. Салинза, Э. Сервиса, определял развитие социальной и культурной антропологии и оказывал большое влияние на археологию и социологию. В дальнейшем неозволюционизм был значительно потеснен, хотя идеи, сформулированные в его рамках, сохраняют большое значение для изучения ранних этапов исторического процесса [Sanderson 1997; Крадин, Коротаев 2014].

Тем временем, уже с 1970-х гг. стала оформляться новая междисциплинарная ипостась эволюционной теории – концепция универсального эволюционизма, рассматривающего в едином контексте эволюцию Вселенной, Земли, биосферы, человека, культуры и мышления. В качестве синонима или тесно связанного с универсальным эволюционизмом понятия вошло в обиход и получило уже некоторую разработку понятие универсальной/большой истории (Big History) [Spier 1996; Назаретян 2008; Князева, Алюшин 2016; Christian 2004; Evolution... 2011].

Справедливости ради следует отметить, что уже учение Г. Спенсера, представляло собой, по сути, концепцию универсального эволюционизма, включающего неорганическую, органическую и надорганическую формы/стадии эволюционного процесса. Если бы физика XIX в. имела представление о «большом взрыве», можно не сомневаться, он включил бы в свою схему и космологическую стадию универсальной эволюции. По крайней мере он говорил о том, что превращение однородного в разнородное «обнаруживается и во вселенной как в целом, так и во всех (или почти всех) ее частях», об «эволюции Солнечной системы» и об «истории Земли», которые сегодня составляют «главы» Big History [Спенсер 1997: 12–13, 38, 42, 43, 44, 45]. Равным образом, когда современные авторы говорят, что в теории сложных систем понятие «эволюция» приобретает «новые глубокие смыслы», и означает *«развернутую в пространстве и времени последовательность усложнения топологической и функциональной организации системы и улучшения качеств ее внутренних и внешних связей»*; что «пространственно-временная сложность – это главная характеристика эволюционного процесса», нельзя не вспомнить такие же по смыслу определения Г. Спенсера [Князева, Алюшин 2016: 21].

Это замечание сделано не для критики современной эволюционной эпистемологии, а чтобы подчеркнуть – идея эволюции несет, видимо, глубокое объективное содержание, поскольку она вновь и вновь актуализируется на каждом новом витке *эволюции научной картины мира*. Здесь можно вновь обратиться к процитированной выше вступительной лекции Л. Февра в Коллеж де Франс. Завершая ее, он говорил о своем интересе к идеям и теориям:

идеям, потому что наука движется вперед лишь благодаря самобытной и творческой силе мышления;

теориям, потому что именно теории служат ступенями, по которым поднимается наука в желании расширить горизонты человеческой мысли [Февр 1991: 23].

Идея и теория эволюции заслуживают интереса к себе со стороны современной исторической науки.

Основные понятия и проблемы

Классическое понимание социальной эволюции связано прежде всего с именем Г. Спенсера [История теоретической... 1997: 229–235]. Если суммировать его формулы, эволюция выступает как общий закон, действующий в природе, в обществе и в культуре («всех продуктах человеческой мысли и деятельности»). Это – процесс перехода всех систем («агрегатов») «от несвязной однородности к связной разнородности», «изменение неопределенного в определенное», «переход от простоты к сложности», «переход от беспорядка к порядку». Разнообразны примеры этого общего закона применительно к человечеству «как социальному телу»: «Переход от однородного к разнородному обнаруживается равным образом и в прогрессе цивилизации как целого, и в прогрессе каждого племени; мало того, он еще совершается со все возрастающей быстротой. Начавшись с варварского племени, почти, если не вполне, однородного по функциям своих членов, прогресс всегда стремился и теперь еще стремится к экономической агрегации человеческого рода, который становится все более разнородным вследствие несходства в функциях различных наций, вследствие местных разнообразий в каждой нации и вследствие несходства в функциях каждого из работников, соединяемых для производства каждой полезности» [Спенсер 1997: 42, 43, 44, 45]. Эволюция предстает здесь как «однолинейное» развитие человеческих обществ от простых, «низших» социокультурных форм к сложным, «высшим» формам через ту или иную единообразную последовательность стадий.

В современной же литературе общее понятие социальной/культурной эволюции трактуется существенно иначе, чем в классической спенсеровской интерпретации. Произошел отход от однолинейной схемы эволюции и отказ от фактического отождествления эволюции с развитием и прогрессом. Современная социальная и культурная антропология рассматривает культурную динамику либо в более нейтральном контексте усложнения культурных форм в рамках двуединого процесса дифференциации и интеграции, либо в плоскости качественной реорганизации общества в иное состояние [Крадин, Коротаев 2014: 90, 91, 93].

В 1975 г. было предложено обобщенное определение эволюции как «процесса структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» [Voget 1975: 862]. Оно получило поддержку в литературе [Классен 2000; Коротаев 2003]. Структурное изменение – это изменение в одной или нескольких сферах культурной системы, которое запускает изменения всех (или большинства) других ее сторон и приводит к трансформации системы в целом. Постепенные структурные изменения и составляют предмет изучения, т.е. описания, понимания и объяснения в культурной и социальной антропологии [Claessen 2002: 325]. Х.Дж.М. Классен считает, что такой подход превращает эволюционизм в научную теорию, ориентирующую на поиск закономерностей в структурных изменениях подобного рода. [Классен 2000: 7–8].

Ограничение эволюционизма дисциплинарными рамками культурной и социальной антропологии в приведенном выше суждении Х.Дж.М. Классена можно было бы объяснять тем, что оно высказано им в статье для «Энциклопедии социальной и культурной антропологии». Но, рассматривая неозволюционизм как одну из современных теорий исторического процесса, Н.Н. Крадин и А.В. Коротаев также указывают, что «идеи, сформулированные в рамках неозволюционизма, по-прежнему сохраняют большое значение для изучения ранних этапов исторического процесса» [Крадин, Коротаев 2014: 90, 106]. Эволюционизм, в том числе в

его актуальной форме неозволюционизма действительно развивался в рамках отраслей исторического знания, специализирующихся на этапах человеческой истории, предшествующих образованию цивилизаций и государств, т.е. социальной (культурной) антропологии и археологии. Но сама идея эволюции рождалась из того эмпирического факта, что человеческая культура, взятая в целом, из очень простого начального состояния выросла в большие сложные системы [Claessen 2002: 326]. Контраст между обществом, представленным малыми группами охотников-собирателей и «большим», урбанизированным, индустриальным обществом был очевиден уже в XIX в.

Выше было замечено, что понятие «эволюция» релевантно для общей характеристики весьма длительной и отмеченной структурными изменениями/трансформациями истории Кабардино-Балкарии. Это не значит, что здесь проводятся прямые параллели или аналогии между локально-региональным и глобальным историческим процессом. В современном эволюционизме присутствует концепция, ближе стоящая к общим интерпретациям региональной истории.

Речь идет о предложенном М.Д. Салинзом различении двух видов эволюции – *специфической и общей*. Согласно его концепции, как в биологической, так и в культурной сферах эволюция движется одновременно в двух направлениях. С одной стороны, она создает разнообразие посредством адаптивных модификаций: новые формы отличаются от старых. С другой стороны, эволюция порождает прогресс: более высокие формы возникают из низших и превосходят их. Первое из этих направлений – это специфическая эволюция, а второе – общая эволюция. *Специфическая эволюция – это историческое развитие конкретных культурных форм, филогенетическая трансформация посредством адаптации*. Специфический аспект культурной эволюции обусловлен именно адаптацией: культуры диверсифицируются, поскольку «заполняют» разнообразные условия существования людей, имеющиеся на Земле. Это филогенетический, разветвляющийся исторический путь культуры по многочисленным линиям. Для ее понимания важно учитывать роль среды, как естественной, так и надорганической. *Общая эволюция – это прогрессия классов форм, преемственность культуры через стадии общего прогресса*. Этот процесс не является филогенетическим или адаптивным как таковой; следовательно, фактор окружающей среды здесь не имеет значения. Специфическая и общая эволюция – это не разные конкретные реальности, а скорее, аспекты одного и того же целостного процесса. Любое конкретное изменение в форме жизни или культуре можно рассматривать либо с точки зрения адаптации, либо с точки зрения общего прогресса [Sahlins 1960: 12–13, 22, 38, 43].

В связи с этим важно принять во внимание еще один теоретически значимый момент, связанный с понятием *эволюционного потенциала общества*, т.е. его предрасположенности к продуцированию или эффективному освоению инноваций и переходу на более высокую эволюционную ступень. Э.Р. Сервис сформулировал «закон эволюционного потенциала» как обратную зависимость общего эволюционного потенциала от специфического эволюционного прогресса, или иначе: «Чем более специализирована и адаптирована [социальная] форма на данной эволюционной стадии, тем меньше ее потенциал для перехода на следующую стадию» [Service 1960: 97]. Это положение не лишено логики и может быть подтверждено достаточным количеством примеров. Но оно построено на двух допущениях, подвергающихся критике: (1) что данное общество существует изолированно, не имеет контактов с иными или более сложными культурами и его эволюция есть сугубо внутренне обусловленный процесс, что является не правилом, а исключением; (2) что адаптация – это функция общества в целом и отдельные индивиды в принципе не способны отойти от заданных им моделей поведения, и тогда непонятно, как в нем вообще происходят изменения, как могла осуществиться его специфическая эволюция и сложиться его данная эволюционная форма.

Это не снимает вопроса о большей или меньшей адаптивности данного общества в данное время к данным условиям. Постановка его применительно к поворотным историческим периодам может способствовать объяснению особенностей их протекания в том или ином обществе или в его этнорегиональных сегментах.

Эволюция и история

М.Д. Салинз полагал, что различение специфической и общей эволюции позволяет решить проблему соотношения истории и эволюции: эволюция в одном отношении (как специфическая) – это «история», а в другом (как общая) – нет; в одном аспекте она включает в себя отдельные события, а в другом – их классы; в одном отношении окружающая среда важна, но в другом – ее следует исключить из рассмотрения [Sahlins 1960: 44]. Но в литературе выражается различное отношение к его идее.

Так, по мнению Р.Л. Карнейро, «специфическая эволюция» М.Д. Салинза не соответствует классическому понятию «эволюции», которое применялось не ко всем изменениям, а только к тем, которые вели к возрастанию сложности – к «связной разнородности». Если же все аспекты изменений во времени отдельного общества считать «эволюцией», это может привести к тому, что одно понятие станет обозначать противоположные процессы – рост, развитие, интеграцию и упадок, фрагментацию, дезинтеграцию (например – в истории Рима и многих других обществ, империй, цивилизаций) [Carneiro 2003: 128–130].

Сторонники понимания эволюции как структурных, качественных изменений общества во времени, не обязательно ведущих к его усложнению, к прогрессу, не видят здесь проблемы. Но при этом они прямо не отождествляют специфическую эволюцию с историей. Х.Дж.М. Классен указывает, что концепция специфической эволюции граничит с представлением об истории данного общества, но ее цель не история, как таковая, а *объяснение* при помощи общих категорий тех качественных преобразований, которые произошли с конкретным обществом [Claessen 2002: 328].

Крупный современный социолог С.К. Сандерсон «не видит», по его словам, «как можно рассматривать общие черты человеческой истории иначе, чем в эволюционном плане». Осознать ценность эволюционных теорий социологам, «даже так называемым историческим социологам», мешает то, что они занимаются очень короткими отрезками времени. Его собственные интересы лежат в области макро-исторической социологии и концентрируются на «трех великих трансформациях мировой истории: неолитической революции, начавшейся около 10 000 лет назад; развития цивилизаций и государства, начавшегося около 5 000 лет назад; рождении мировой капиталистической системы примерно 500 лет назад [Sanderson 1997: 102, 103].

Критика и развитие теории

До сих пор речь в основном шла о понятиях теории эволюции, разрабатываемых ее сторонниками. Но попытка применить эти понятия к интересующему нас предмету – истории одного из регионов Северного Кавказа – без учета той критики эволюционизма, которой его подвергают представители иных течений современной социальной мысли была бы рискованной. Наиболее заметной фигурой среди этих критиков является Э. Гидденс, один из влиятельнейших социологов современности. Он не видит причин возражать против употребления термина «эволюция» в каждодневном обиходе как синонима слов «развитие» или «изменение». Вполне допустимо связывать это понятие с возрастающей сложностью, дифференциацией, говорить о континууме на одном конце которой находятся малые бесписьменные культуры, а на другом – современное индустриальное общество. Но как теория, претендующая на общее объяснение социальных изменений эволюционизм, с его точки зрения, несостоятелен [Giddens 1984: 231, 232].

Во-первых, эволюционная концепция – это одна из попыток найти универсально применимые принципы причинного объяснения социальных изменений, что Э. Гидденс считает невозможным. Социальные науки не формулируют законов, обобщения в них всегда ограничены определенными пространственно-временными рамками и выражают определенные сочетания преднамеренных и непреднамеренных последствий действия [Giddens 1984: 229, 343–347].

Во-вторых, многие теории эволюции представляют собой модели «эндогенного», «развертывающегося» изменения (латинское *evolutia* изначально применялось к развертыванию пергаментных свитков). То есть они несут родство с биологическим понятием эволюции организмов, но это родство теоретически не проявляется. В биологии предполагается, что виды формируются независимо друг от друга и неизменны, кроме случаев мутации. Это неприменимо к обществу. Кроме того, люди творят историю осознанно, как рефлексирующие существа. Они осознают время, а не просто «живут» в нем [Giddens 1984: 228–229, 236, 237].

В-третьих, в качестве основного механизма социальных изменений теории эволюции рассматривают «адаптацию». Э. Гидденс полагает, что понятие «адаптация» неадекватно для обозначения общего механизма социальных изменений. Если речь идет об адаптации к физической среде, оно оказывается слишком узким. Если же к этому добавляется «социальная среда», или как адаптацию рассматривают любые социальные процессы, которые ведут к изменениям, необходимым для поддержания общества в стабильной форме, понятие становится слишком неопределенным и бесполезным для объяснения чего бы то ни было [Giddens 1984: 234, 235].

В итоге Э. Гидденс настаивал, что «человеческая история не имеет эволюционной формы» и попытки втиснуть ее в такую форму попросту вредны [Giddens 1984: 236]. Его замечание, судя по всему, относилось к «форме» эволюционного древа, визуализирующего биологическую эволюцию, поскольку далее он приводил аргументы против уподобления человеческой истории модели эволюции видов. *Если же представить себе какое-либо современное социально-территориальное образование, претерпевшее в ходе своей истории качественные структурные изменения, но сохраняющее преемственность со своим «исходным» состоянием, то такая история безусловно имеет «эволюционную форму».* Но это очевидно на уровне обыденного словоупотребления. Теоретическое наполнение и методологическая продуктивность приложения эволюционных категорий к данному конкретному случаю требуют дополнительного анализа.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что обычно говорят о теориях эволюции во множественном числе, а не об одной теории эволюции. К тому же все они подвергаются критике. С. Сандерсон предпринял попытку модифицировать концепцию эволюции в целом с учетом основных направлений критики отдельных эволюционистских школ. Опираясь на идеи В.Г. Чайлда, Л. Уайта, Дж. Стюарда, Р. Карнейро и Г. Харриса, он строит «материалистическую модель эволюции», свободную, как он полагает, от недостатков прежних моделей, поскольку:

- эта модель рассматривает адаптацию как усилия индивидуумов достичь своих целей и удовлетворить свои интересы, а не как возрастание адаптивных возможностей общества в процессе его развития;

- модель не отождествляет эволюцию с прогрессом, имеет ли место прогресс или регресс – эмпирический вопрос, привязанный к конкретному историческому периоду и конкретному аспекту общественной жизни;

- модель принципиально анти-телеологична – «эволюция это просто ответы отдельных людей, находящихся в определенной точке пространства и времени, на те условия, с которыми они сталкиваются», сумма этих реакций дает долговременный итог эволюции;

– модель учитывает разнообразие эволюционных реакций, т.е. социальная эволюция – это не единый, однолинейный процесс, она включает в себя не только параллельные линии изменений, претерпеваемые различными обществами, но и дивергентную эволюцию [Sanderson 1997: 104].

Методологическая функция теории эволюции

Приведенная выше характеристика «эволюционного материализма» делает очевидным, что различные теории эволюции, включая и то, что предлагает С. Сандерсон, не столько объясняют феномен эволюции, сколько описывают его. Но это не снижает методологическую значимость эволюционных концепций. В философии науки различают частные теоретические модели и развитые научные теории, описательные (феноменологические) теории и теории-объяснения [Степин 2006: 180; Савельева, Полетаев 2003: 315]. Более того, И.М. Савельева и А.А. Полетаев напоминают, что в современных представлениях теория трактуется просто как осмысление в понятиях тех или иных эмпирических наблюдений: «Это осмысление (наделение смыслом, приписывание смысла) является синонимом теоретизирования. Так же, как и сбор информации (эмпирических данных), теоретизирование неотъемлемый компонент любой науки, в том числе и исторической» [Савельева, Полетаев 2003: 312]. С. Сандерсон характеризует свой эволюционный материализм как «очень широкую исследовательскую стратегию, которая оставляет место для множества более конкретных теорий» [Sanderson 1997: 105].

В связи с этим возникает вопрос, как может быть реализована методологическая функция теории эволюции в построении обобщающего исторического нарратива? М.М. Кром недавно осуществил сравнительный анализ «методов» и «подходов» как разных категорий исторического познания. Метод традиционно связывается со способами извлечения информации из источников и подразумевает определенные правила работы с ними. Подход в отличие от метода не содержит правил или алгоритма осуществления исследования. Он предлагает выбор тематики (исследовательского поля), а также ряд идей, принципов, установок, которые определяют интерпретацию изучаемых сюжетов или проблем. Метод идеологически нейтрален, а любой подход обычно связан с каким-то мировоззрением и в той или иной степени идеологически ангажирован. Методы устойчивы во времени и поддаются совершенствованию, а подходы подвержены научной моде и меняются с приходом очередного поколения ученых [Кром 2021: 100,101].

Теория эволюции как познавательное средство может приобрести форму строгого метода в исследовании конкретных аспектов и фаз исторического развития, т.е. там, где используются определенные виды источников и данных, а изучаемые объекты поддаются описанию с помощью набора формальных признаков. *Но интерпретация сложных явлений и процессов, имеющих значительные пространственно-временные масштабы, основывается, как правило, на широких теоретических подходах. Именно мировоззренчески обусловленный «ряд идей, принципов, установок» позволяет разглядеть в актуальной и исторической реальности и сделать предметом изучения паттерны – формации, цивилизации, мир-системы, эволюцию, эпохи.*

Теория модернизации

Основоположения теории модернизации

Основополагающее для теорий модернизации противопоставление «традиционного» и «современного» общества было намечено в работах Макса Вебера. Отправным пунктом его анализа происхождения капитализма стал вопрос, «какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались – по крайней мере как мы склонны предполагать – в направлении, получившем *универсальное* значение». Среди этих явлений – капитализм, т.е. «рациональная капиталистическая организация *свободного* (формально) *труда*», наука, «на той стадии развития,

«значимость» которой мы признаем в настоящее время», пресса, бюрократия и, вообще, современное государство «как *институт* с рационально разработанной «конституцией», рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила [Вебер 1990: 44–51]. М. Вебер указывал на общую черту, объединяющую все эти явления культуры – специфический рационализм, характеризующий западную культуру. Отсюда он выводил познавательную задачу – «определить *своеобразие* западного, а внутри него современного западного рационализма и объяснить его развитие», конкретизируя ее следующим образом: «Любая подобная попытка толкования должна ввиду фундаментального значения экономики принимать во внимание прежде всего экономические условия. Однако нельзя упускать из виду и обратную каузальную связь. Ибо в такой же степени, как от рациональной техники и рационального права, экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически-рационального *жизненного поведения* [Вебер 1990: 55].

В этом пункте становится очевидной связь приведенных выше положений с веберовской типологией социального действия, в которой критерием различения аффективного, традиционного, ценностно-рационального и целерационального типов оказывается в конечном счете мера присущей им рациональности, и процесс перехода от первого к последнему из них выступает как процесс рационализации социального поведения, т.е. «замена внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптацией к констелляции интересов». Целерациональное поведение по Веберу представляет собой полярную противоположность, с одной стороны, всем видам внутренней связанности привычными «обычаями», с другой – подчинению нормам, которые считаются рациональными по своей ценности [Вебер 1990: 628, 635]. Сюда же примыкает теория М. Вебера о различных основаниях легитимации господства: во-первых, это «традиционное» господство, основанное на авторитете «вечно вчерашнего», авторитете «нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение»; во-вторых, харизматическое господство, основанное на авторитете «внеобыденного личного дара» (харизмы), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека; в-третьих, легальное господство, опирающееся на силу веры в обязательность легального установления и деловой «компетентности» власти, обоснованной рационально созданными правилами [Вебер 1990: 646–647].

В приведенных положениях из работ М. Вебера содержится достаточно полный набор концептуальных элементов позднейшей теории модернизации: дихотомическое деление всех обществ на две группы, противопоставляющее их «современную» форму «традиционной»; западное индустриально-капиталистическое общество XIX–XX вв. как аутентичное воплощение «современности»; комплексный характер определения «современности», в котором экономические, политические и культурные факторы взаимодействуют через совокупность прямых и обратных связей; универсалистский потенциал рожденных на Западе рациональных институтов экономики, политики, культуры.

Но свое оформление и развитие теория модернизации получила только в 1950–1960-е гг. И с точки зрения ее социологических оснований решающее влияние имели труды Толкота Парсонса. Это влияние проявилось в двух основных аспектах.

Первый связан с введенным им понятием *эталонных переменных* социального действия. Он исходил из того, что ситуация, в которой актору предстоит совершить какое-то действие всегда несет в себе дилеммы и приобретает для него определенный смысл в результате совершенного им выбора. Эталонная переменная – это дихотомия, одну из сторон которой субъект должен выбрать, чтобы значение ситуации стало для него определенным, и, чтобы он мог действовать в этой ситуации.

Т. Парсонс полагал, что существует всего пять эталонных переменных и что они составляют систему. Это:

1. Аффективность – Аффективная нейтральность.
2. Ориентация на себя – Ориентация на коллективность.
3. Универсализм – Партикуляризм.
4. Приписывание – Достижение.
5. Специфичность – Диффузность [Toward a General... 1951: 77].

В некоторых действиях чувства играют определенную роль и даже более того, имеют решающее значение. В других областях или ситуациях чувствам отводится подчиненная роль. Но в каждой конкретной ситуации приходится заново решать, насколько влияние эмоций уместно в данном контексте (выбор между аффективным и аффективно нейтральным действием). В традиционных обществах социальные отношения имеют тенденцию включать аффективный компонент: это отношения личностные, эмоциональные, лицом к лицу. В современных обществах социальные отношения, скорее, строятся на аффективно-нейтральной основе – как неличностные, отчужденные, косвенные.

Человеку не всегда позволено преследовать свои собственные, возможно, эгоистические цели; иногда он обязан ориентироваться на коллектив и учитывать его цели (ориентация на себя или на коллектив). Традиционным обществам характерна верность, преданность коллективу: семье, общине, племенному государству. В современных обществах, напротив, акцентируется индивидуалистическая ориентация.

Человеческому действию всегда присуще нормативное измерение, и приходится отдавать себе отчет в том, на кого конкретно распространяются нормы, которые применяются в данном случае – на всех людей, или в отношении соседей, родственников и друзей действуют какие-то особые критерии (выбор между универсализмом и партикуляризмом). В традиционных обществах люди стремятся ассоциироваться с членами определенного социального круга. Поскольку они знают друг друга очень хорошо, они относятся друг к другу партикуляристски. Для современного общества с его высокой плотностью населения и высокой мобильностью люди часто вынуждены контактировать с незнакомцами, и они стараются при взаимодействиях руководствоваться универсалистскими принципами.

Судить о других можно по их происхождению, рождению, красоте и так далее, т.е. по качествам, за которые сами они ответственности не несут, или же по их собственным достижениям и заслугам (ориентация на аскриптивные (приписанные) качества или на достижения самого человека). В традиционных обществах человек оценивается по статусу, который ему приписан. В современных обществах человек скорее ценится статусом, который ему удалось достичь благодаря собственным усилиям.

Действие может учитывать все возможные аспекты или ставить перед собой четко очерченную задачу. Действие человека в роли отца семейства несет в себе и экономические, и социальные, и эмоциональные аспекты. Действие человека в профессиональной сфере четко определяется его должностными обязанностями, инструкциями и т.д. (выбор между диффузностью и специфичностью действия). «Диффузная» ориентация предполагает, что во внимание принимается личность в целом. Специфичистская ориентация заставляет принимать во внимание лишь «часть» личности партнера, важную в контексте происходящего взаимодействия. В традиционных обществах преобладают функционально диффузные роли. В современных обществах, напротив, преобладает функциональная специализация [Joas, Knöbl 2009: 69-70; Побережников 2001: 224–227].

Выбор, совершаемый актором не означает, что само действие всегда проходит в высшей степени рационально и что в любом действии актер, как компьютер, каждый раз четко отслеживает последствия сложного выбора из пяти дихотомий. Но выбор совершается – явно или неявно, сознательно или до-сознательно.

Важно, что структура выбора уже предзадана этими дихотомиями, и это происходит на уровне личностной, социальной и культурной систем [Joas, Knöbl 2009: 71]. На уровне личности они выступают в качестве привычек выбора, стандартов ценностной ориентации субъекта; на уровне коллектива и культуры они определяют действия субъекта, предписывая выбор, либо в соответствии с его социальной ролью, либо в соответствии с ценностными стандартами, закрепленными в культуре [Toward a General... 1951: 77–78].

Второй аспект влияния социологии Т. Парсонса на теорию модернизации связан с его трактовкой механизмов эволюции общества. Он полагал очевидным, что для *поддержания* функционирования любой социетальной системы необходимы многие сложные процессы. Однако с эволюционной точки зрения есть различия между процессами, служащими поддержанию системы, и теми, что изменяют ее. В свою очередь среди процессов изменения наиболее важными для эволюционной перспективы являются процессы, *усиливающие адаптивную способность* либо внутри общества путем порождения нового типа структуры, либо через культурное проникновение и вовлечение других факторов в комбинации с новым типом структуры [Parsons 1966: 21]. Прежде всего, это процесс *дифференциации*, когда элемент, подсистема или категория элементов и подсистем разделяется на элементы и системы, различающиеся как по структуре, так и по их функциональному значению для более широкой системы [Parsons 1966: 22]. Обычно это положение иллюстрируют (так делает и Т. Парсонс) примером семьи, в которой сосредотачивалось большинство функций, необходимых для социального воспроизводства. Но переход функции обучения детей к школам дает им более широкие и многообразные знания, чем они могли получить от старших в семье, а организация производства на специализированных предприятиях экономически гораздо более эффективна.

Процессы дифференциации выдвигают новые проблемы, связанные с *интеграцией* системы. Формируются новые социальные структуры и системы взаимодействия. Так, в системе, где есть найм и профессиональная занятость, глава дома уже не может более контролировать производство в рамках своей *роли, определяемой родством*. Производящая организация должна поэтому разработать систему авторитета, которая не укоренена в системе родства. Производственные и домашние коллективы должны быть скоординированы внутри более широкой системы, например, посредством изменений в структуре локального сообщества. Новый тип возникающей системы требует утверждения соответствующего ей варианта ценностного образца, который должен быть более генерализованным, обобщенным для того, чтобы легитимизировать более широкое многообразие целей и функций [Parsons 1966: 22].

Практика исследований: некоторые классические труды

В работах 1950–1960-х гг., которые признаны классикой теории модернизации, рассмотренные выше положения социологической теории Т. Парсонса получили соответствующее развитие.

Динамическая идея развития, основанная на эталонных переменных, стала той теоретической моделью, которую сторонники теории модернизации считали наиболее приспособленной для описания и объяснения процессов социальных изменений. При этом, одна сторона дихотомических пар (аффективность, ориентация на коллектив, партикуляризм, приписывание, диффузность) отождествлялась с традиционным обществом, а другая (аффективная нейтральность, ориентация на себя, универсализм, достижение, специфичность) – с современным.

Тезис Т. Парсонса о дифференциации как основном механизме эволюционного процесса получил развитие в классической модели структурно-функциональной дифференциации Нейла Смелзера. Суть модели структурно-функциональной дифференциации в том, что она описывает переход функций воспроизводства

общественной жизни от семьи и общины, как это имеет место в традиционном обществе, к специализированным социальным институтам. В традиционных обществах функция производства (прежде всего, потребительского сельского хозяйства) осуществляется преимущественно в родственных коллективах – домохозяйствах; промыслы играют вспомогательную роль и обычно размещаются в рамках семьи и деревенской общины; операции потребления и обмена лишь в незначительной степени выходят за границы семьи и селения; обучение и воспитание, т.е. социализация новых поколений также происходят в семье и общине. В процессе же модернизации производственная функция в значительной степени делегируется предприятиям и учреждениям; члены семьи покидают домохозяйство (а нередко и свою деревенскую общину) в поисках трудоустройства на рынке рабочей силы; семья, таким образом, постепенно перестает быть производственной единицей. Процессы дифференциации одновременно охватывают и сферу обмена. Обмен товарами и услугами все в большей степени опосредуется рынком; рыночные (денежные) механизмы экономического развития вытесняют прежние традиционалистские (религиозные, политические, семейные регулятивы), что способствует относительной автономизации экономической системы. Функция формального обучения переходит к школе. Правительство берет на себя функции социальной защиты стариков, инвалидов, нетрудоспособных и т.д. [Побережников 2006: 115–123].

Исследования проблем модернизации с опорой на указанные подходы осуществлялись уже с начала 1950-х гг. Одним из первых сделал это Марион Леви в статье, опубликованной в сборнике 1952 г., посвященном проблемам развития остальных регионов. Согласно Леви, индустриально развитые общества характеризуются наличием рациональных, универсалистских и функционально специфических ценностных ориентаций и социальных ролей. Неиндустриальные общества, напротив, характеризуются наличием нерациональных, партикуляристских и функционально диффузных ценностей и социальных ролей. Экономический рост становится основным двигателем радикальной трансформации неиндустриальных обществ, способствуя утверждению в них тех же культурных и социальных паттернов, что и в индустриально развитых странах Запада [Ефременко, Мелешкина 2014: 4].

Иллюстративной для модернизационных исследований 1950-х гг. Х. Йоас и Б. Кнёбль считают работу Даниэля Лернера (Lerner D. *The Passing of Traditional Society. Modernizing the Middle East*. New York: Free Press, 1965 (1958)). Он исходит из того, что традиционное общество не предполагает всеобщего участия – посредством родственных связей оно размещает людей по общинам, изолированным друг от друга и от центра; ввиду отсутствия разделения труда между городом и деревней в нем невелика потребность в экономическом взаимодействии; ввиду недостаточных связей между людьми их горизонт ограничивается местом проживания, а их решения касаются только других известных им людей в известных ситуациях. Соответственно, здесь нет необходимости в надличностной общей доктрине, сформулированной в виде разделяемых вторичных символов – нет необходимости в национальной «идеологии», которая позволяет вовлекать людей, не знающих друг друга лично, в политические диспуты или достигать «консенсуса» путем сопоставления их мнений.

С другой стороны, жизнь в обществах модерна требует выполнения многих условий. Чтобы активно участвовать в жизни современного общества, люди должны обладать высокой психической мобильностью, т.е. иметь особую эмоциональную конституцию, которую Лернер называет эмпатией. Под эмпатией он понимает способность мыслить и действовать в соответствии с абстрактными критериями для того, чтобы иметь возможность перешагнуть за типичный для традиционных обществ узкий личный или семейный горизонт, сломить якобы присущий

традиционным обществам фатализм людей и преодолеть тесные, мешающие связи с, как правило, патриархальными семейно-родственными структурами. Только благодаря «эмпатии», полагает Лернер, можно уйти от этих сковывающих связей традиционного общества и воспринимать себя уже как активного члена общества модерна:

На материале регионов Ближнего Востока 1950-х гг. он сделал вывод: только там, где люди имеют достаточный доступ к СМИ (газетам, радио и так далее), т.е. в районе влияния больших городов с их медийной инфраструктурой, могут передаваться знания, способствующие возникновению эмпатии, и формироваться соответствующие ролевые модели. Умение писать и читать – это одно из важнейших, если не самое важное средство, позволяющее повысить психическую мобильность населения. Как утверждает Лернер, в ходе исторического развития в первую очередь в крупных городах устные и прямые формы коммуникации все чаще дополняются и отчасти замещаются современными масс-медиа. Поэтому распространение СМИ – это, с одной стороны, признак, а, с другой стороны, одна из причин изменения психического устройства членов общества и трансформации общества в целом [Joas, Knöbl 2009: 311–312].

Продолжая свои разработки в этом направлении М. Леви в середине 1960-х гг. опубликовал двухтомную работу «Модернизация и структура обществ. Матрица международных отношений», в которой, как отмечалось в критическом анализе Л.Б. Волкова: «Отправляясь от восходящего к М. Веберу и Т. Парсонсу представления об историческом процессе как движении от иррационально-традиционных к инструментально-рациональным отношениям, автор набрасывает теоретическую модель двух противоположных общественных систем: модернизированной и немодернизированной» [Волков 1984: 221].

В современном, модернизированном обществе сочетаются:

- ориентированная на энергетику технология массового производства;
- глубоко разветвленная организация, которая одновременно аналитически дифференцирована и синтетически рационально централизована;
- широко мыслящий, способный более или менее точно охватить в своем умственном горизонте всю взаимосвязанную сложность технологических и организационных структур, практически эффективный человека.

Модернизированное общество это сложная крупномасштабная и глубоко дифференцированная в своих структурах технологическая, экономическая и социальная система. Рыночные, денежные и договорные отношения в этом эмоционально нейтральном и свободном от родовых, сословных и других частных пристрастий обществе являются нормальным регулятором всего спектра социальных отношений, своего рода универсальным способом наиболее пластичного переноса самой разнообразной информации о личности, группе, институции от одного элемента общества – к другому. Главное в современном обществе – оценка эффективности в своем деле и экспертная, «более или менее научная» оценка самого дела.

Человек модернизированного общества строит свои отношения с природными и предметными партнерами как инструменталист на основе универсально окрашенных оценок реальных функций, целесообразности действий, соответствия между ресурсами, средствами и целями и т. п. Это эмоционально сдержанная личность, склонная к четкому определению своих (и своих партнеров) прав и обязанностей. Случайные, «приписные» моменты, такие как этническое или сословное происхождение партнера не имеют для него значения.

Напротив, немодернизированное, традиционное общество:

- оперирует главным образом мускульной энергией животных и человека;
- состоит из слитных, маломасштабных, легко обозримых групп;
- строит свои отношения на более или менее иррационально связанных между собой элементах опыта.

В таком обществе «рациональное» воспринимается и реализуется постольку, поскольку оно становится элементом повторяющегося опыта. Традиционное общество живет не по принципу: «действуй, потому что данное действие закономерно должно привести к определенной цели», а по принципу: «действуй, потому что так делали до тебя» или «действуй, потому что так действуют другие». Здесь оцениваются прежде всего не реальные результаты действий лиц и институтов, а «приписные» свойства. Ожидания связаны с происхождением, этнической принадлежностью, местом проживания, социальным статусом человека. Поведение человека в традиционном обществе мотивируется, как правило, частной, зачастую случайной информацией. Рынок, деньги, договоры не могут играть здесь роль универсальных регуляторов социальных взаимодействий, которые носят преимущественно личный персонализированный характер [Волков 1984: 222–223].

Критика и развитие теории

Охарактеризованные выше подходы и концепции лежат в основе классической, эволюционистской теории модернизации. Уже с конца 1960-х гг. она подвергалась серьезной критике и оказалась в 1970-е гг. на периферии социально-теоретической мысли. Для целей настоящей работы наиболее существенны следующие темы критики классической теории модернизации: эволюционистское представление о модернизации как одностороннем процессе развития; игнорирование факта значительного разнообразия традиционных обществ с точки зрения их внутренней способности к модернизационному развитию; неразличение традиционализма, как негативной реакции на вторжение сил современности, и традиции, как общего накопителя форм поведения и смыслов данного общества; абсолютизация противопоставления традиционного и современного, тогда как многие традиционные нормы устойчиво функционируют в современном обществе [Эйзенштадт 1999: 472–473]. Однако уже с 1980-х гг. вновь оживляются конкретные и общие теоретические исследования в русле модернизационной парадигмы и формируется современная версия модернизационного подхода. Его теоретическое ядро, согласно анализу И.В. Побережникова, включает следующие положения.

1. Отказ от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей; признание возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску).
2. Признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; придание ей статуса дополнительного фактора развития.
3. Больше, чем прежде, внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту. Модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный процесс.
4. Отход от эволюционистского телеологизма. Акцентирование внимания не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства.
5. Историчность подхода. Инкорпорация в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции».
6. Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации.
7. Осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса. Признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса [Побережников 2001: 243–244].

Помимо этого, в современной практике изучения проблем модернизации оформился регионалистский (или регион-ориентированный) подход. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне связывается со значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации [Побережников 2010; Побережников 2011: 39; Побережников 2017: 40].

Но, как представляется, изучение *модернизации на региональном уровне* и изучение *истории региона* в парадигмальных рамках *модернизационного подхода* выполняют разные научные задачи. В первом случае результатом может стать обогащенное, нюансированное *понятие модернизации*, во втором – определенная *интерпретация истории региона*, ее векторно-эволюционное представление.

Эволюция, модернизация и история региона

Релевантность эволюционного подхода к региональной истории

Как все вышесказанное соотносится с общей интерпретацией истории Кабардино-Балкарии? Терминологический словарь теории и методологии исторической науки определяет историческую интерпретацию как исследовательскую процедуру, позволяющую достичь понимания исторической/источниковой реальности [Теория и методология... 2014: 139]. Однако понимание исторического источника, понимание исторического факта, понимание крупных явлений прошлого, эпох и *понимание всего процесса становления наличного бытия*, к которому принадлежит и сам историк – это различные познавательные процедуры. В последнем случае предлагаемое понимание исторического процесса задается соотношением его результата с его мыслимым «началом».

Современная Кабардино-Балкарская Республика формально определяется как регион – субъект Российской Федерации. Однако она представляет собой не просто административную, но и социально-территориальную единицу в составе российского общества. И в таком качестве она продолжает существование Кабардино-Балкарии как исторической области. На фоне других системных отношений, в которые она встроена, ее выделяет определенная «кластеризация институтов». Ту или иную «кластеризацию институтов» Э Гидденс считает базовым критерием идентификации общества. Здесь несомненно присутствуют и другие критерии, позволяющие, согласно Э. Гидденсу, идентифицировать данное общество в контексте интер-социальных систем, в которые оно включено: (1) связь между социальной системой и конкретной территорией; (2) наличие в региональной культуре нормативных элементов, подразумевающих притязания на легитимное занятие данного места; (3) сознание общей идентичности у жителей региона, как бы она ни выражалась или ни проявлялась [Giddens 1984: 164, 165].

Исторически сложившийся «кластер институтов» формальных и неформальных, социальных и политических, этно-специфических и универсальных определяет индивидуальный «силуэт» Кабардино-Балкарии как этно-социо-территориальной целостности. Следует подчеркнуть – речь идет не просто о самобытности этносоциальных систем и этнокультурного облика кабардинского и балкарского народов, но и системе институтов, поддерживавших и регулировавших их устойчивую взаимосвязанность. Мы не знаем такого периода, когда уже сложившиеся на данной территории Кабарда и Балкария существовали бы изолированно друг от друга, или когда их взаимосвязь имела бы периферийный, малозначимый для обоих обществ характер. Таким образом, «начало» истории Кабарды и Балкарии совпадает с «началом» истории объединяющей их исторической области и приходится, судя по всему, на XV в. А период позднего средневековья и раннего нового времени (XVI–XVIII вв.) – это период функционирования и воспроизводства зрелых форм традиционной социальной организации кабардинского и балкарского

обществ и институализированных механизмов их интер-социального взаимодействия. Регион сохраняет *mutatis mutandis* свою социокультурную специфику до сих пор. Но при этом очевидно, что «структурное состояние» современной Кабардино-Балкарии кардинально отличается от культурной организации этносоциальных организмов, существовавших на территории Центрального Кавказа не только в древности, но и в средние века, и в раннее новое время (до конца XVIII в.). Больше того, общество региона конца XX – начала XXI в. несет по крайней мере некоторые типологические характеристики, присущие не только большому российскому обществу, но и современному обществу как таковому.

Социально-культурная организация территории Центрального Кавказа XV в., когда сложились Кабарда и Балкария как этно-социо-территориальные единицы, и общество современной Кабардино-Балкарии стадийно, типологически различны. А если «структурное состояние» объекта исторического интереса в конечной точке исторического континуума качественно отличается от его исходного состояния, есть основания говорить о проделанной им эволюции.

Специфическая и общая эволюция в региональной истории

Однако, когда речь идет о локальном опыте развития, нельзя упускать из виду вопрос о логическом и историческом, об общей и специфической эволюции.

На логико-теоретическом уровне эволюция означает появление принципиально новых, уникальных параметров социальных систем, задающих для них «стрелу времени» – необратимые качественные изменения: «одна форма вырастает из другой» по Л. Уайту. В реальном историческом времени отдельные общества меняются, воспринимая новые, ранее не присущие им признаки, не уникальные, повторяющиеся для разных обществ в определенные эпохи. Но дело в том, что, если бы подлинно уникальные новые параметры социальных систем не распространялись за их пределы и не приобретали «глобального» значения, не сложилось бы и понятие общей эволюции. А те общества, которые приобретают новые эволюционные качества в результате их «диффузии», не только меняются сами. Они включаются в процесс общей эволюции, их история становится ее частью.

Если трактовать всю историю Кабардино-Балкарии как единый эволюционный процесс, мы получим формальную констатацию, что социальная эволюция в регионе имела свою «специфику». На деле же окажется, что одним понятием обозначаются качественно различные по направленности процессы, как о том и предупреждал Р.Л. Карнейро [Carneiro 2003: 129]. Но если он говорил о противоположности развития и упадка, интеграции и дезинтеграции в истории социальной системы, то в нашем случае речь должна идти о противоположности (хотя и относительной) становления традиции и становления современности, адаптации к природной и социально-политической среде и адаптации к инновациям, к модернизации.

Понимание того обстоятельства, что адаптация выступает как «механизм» эволюционных изменений для региональной социокультурной системы на всем протяжении ее существования позволяет проследить ее «эндогенную историчность», т.е. фиксировать не только изменения в условиях существования регионального социума в результате действий (политики, реформ) внешних сил и центральной власти, но и его «внутренние» ответы на эти изменения, его структурные трансформации.

Однако адаптация к природно-географической, или стадийно близкой, «узнаваемой» социально-политической среде; адаптация к административно-правовому порядку, устанавливаемому принудительной силой государства; и *адаптация к культурным формам и практикам*, привносимым модернизацией, – это явления разного социального наполнения. В этом смысле можно говорить об *эволюции адаптации* как измерителе общего процесса социально-культурной

эволюции. Она срабатывает и как фактор становления самобытной социокультурной традиции (специфическая эволюция), и как фактор перехода на стадийно новый уровень развития (общая эволюция).

Отсюда – необходимость рассматривать специфическую и общую эволюцию не как параллельно протекающие процессы в едином эволюционном развитии, а как его последовательные фазы. С той точки зрения в истории Кабардино-Балкарии просматривается *трехфазная модель эволюции региональной социокультурной системы*.

Фазы регионального эволюционного процесса

Первая фаза соответствует ее «специфической эволюции». Это – фаза становления самобытной культурной организации конкретных обществ в процессе адаптации к природной и социально-политической среде определенной эпохи и их устойчивого бытования при сохранении в целом внешних условий их становления, т.е. фаза доминирования этносоциальной традиции (XV-XVIII вв.).

В этой фазе регионального эволюционного процесса адаптация к природно-географическим условиям хозяйствования совершалась путем утверждения единообразия и координации хозяйственных практик всех членов данной социально-территориальной единицы – вотчины/общины. Условием эффективной адаптации к среде и ее результатом становилась интеграция общества, нормативное регулирование взаимных отношений и строгое подчинение членов общины ее внутреннему порядку. Его поддержание обеспечивалось сосредоточением властно-распорядительных функций в руках феодального владельца в большей (Кабарда) или в меньшей (Балкария) степени возвышающегося над общинными институтами. Взаимоотношения с социально-политическим окружением в конечном счете определялись их военно-силовым подкреплением и целиком находились в руках феодальных владетелей.

В целом специфическая эволюция сформировала у кабардинцев и балкарцев социальные системы, весьма плотно привязанные к природно-географической и социально-политической среде, что крайне ограничивало их эволюционный потенциал. Появление в их внутреннем социальном пространстве спонтанных инновационных импульсов неизбежно натолкнулось бы на непреодолимое сопротивление физического пространства (в случае Балкарии, запертой в теснины горных ущелий) или властной монополии военно-феодального сословия (в случае Кабарды, нуждавшейся в поддержании контроля над гораздо более обширным пространством, чем то которое было непосредственно населено и находилось в хозяйственном использовании каждый данный момент). Что касается внешних социальных и культурных влияний, то они проходили через социальный «фильтр» господствующего сословия, заинтересованного в поддержании статус-кво.

Вторая фаза соответствует процессу инкорпорации региона в состав Российской империи и его оформления как административно-территориальной единицы российского государственного пространства, когда кабардинское и балкарское общества должны были *адаптироваться к имперскому государственно-правовому порядку* (до начала 1860-х гг.).

С начала 1770-х и до начала 1860-х гг. происходят радикальные изменения той среды, адаптация к которой сформировала и поддерживала традиционную этносоциальную организацию Центрального Кавказа. Этот процесс не был всеобъемлющим, комплексным по влиянию на отдельные общества региона и не был одинаковым по направленности и интенсивности по отношению к разным этносоциальным единицам.

Наиболее глубоко он повлиял на условия существования кабардинского общества. Резко сокращалась контролируемая кабардинскими князьями и находящаяся в хозяйственном использовании территория; снижалась продуктивность экстенсивной аграрной системы, основанной на переложно-залежном земледелии и

отгонном скотоводстве; иссякал приток ресурсов от набеговой практики и от находящихся в зависимости от кабардинских князей обществ; были подорваны властные прерогативы княжеского сословия в результате усиления военно-административного контроля имперских властей и демографической катастрофы начала XIX в.; территориальное и социальное «сжатие» кабардинского общества сделало невозможным дальнейшее рутинное функционирование традиционных институтов феодально-иерархической системы и поддержание стабильности в отношениях привилегированных и зависимых сословий.

Балкарские общества с конца XVIII и на протяжении первой половины XIX в. сохраняли в нетронутом виде свой традиционный этносоциальный уклад. Только в 1846 г. к ним был назначен отдельный пристав, но попыток плотного контроля над их внутренней жизнью не предпринималось. Более того, для них открылась возможность шире использовать земельные ресурсы предгорной зоны, либо игнорируя притязания ослабевших княжеских фамилий Кабарды, либо на началах обычной аренды. Балкарские владельцы сумели утвердить свой статус, добившись от имперской власти формального закрепления за собой титула таубиев – горских князей. Но при этом балкарские общества оставались замкнутыми в горных ущельях, официального закрепления за ними тех земель, которыми они пользовались в предгорной зоне не произошло.

Таким образом вторая эволюционная фаза это фаза перехода: а) когда уже налицо кризис институтов и практик этносоциальной традиции, не соответствующих новым факторам окружающей социально-политической среды, но он не сопровождается становлением новых форм жизнедеятельности (Кабарда) или б) когда уже появляются возможности освоения новых ресурсов для жизнедеятельности, но они не требуют внутренней институциональной перестройки традиционной этносоциальной организации (Балкария).

Третья эволюционная фаза (1860–2020-е) в тенденции соответствует «общей эволюции». Она охватывает периоды имперской, советской и современной модернизации, пронизанные сквозными линиями становления современных универсальных форм экономики, социальности и культуры.

Эти процессы, которые в истории региона можно связать с общей эволюцией, не являлись изначально эндогенными и исторически непрерывными. Новые социально-культурные формы возникали независимо от регионального социума во внешней среде и затем осваивались этническими обществами региона. Однако вплоть до середины XX в. масштабы и глубина их структурно-функциональной дифференциации были крайне незначительными. Подавляющее большинство кабардинцев и балкарцев проживало на селе; только с 1959 г. колхозы стали сами располагать сельскохозяйственной техникой, и для них закончилась эра исключительно ручного труда; до середины 1960-х гг. сохранялась практика натуральной оплаты труда колхозников; только с 1974 г. сельские жители – члены колхозов стали поголовно получать паспорта, как и все остальные граждане страны и т.д. Кроме того, политико-идеологическая среда, в которой протекала социально-культурная эволюция в третьей фазе дважды претерпевала революционные изменения. Проблема адаптации как бы заново вставала перед региональной социальной системой и заново решалась в организованных и стихийных формах массового социального поведения после 1917 и после 1989 г. Но в целом это – фаза изживания не соответствующих новым условиям элементов (институтов и практик) этносоциальной традиции и *адаптации к структурам, ценностям и практикам эпохи модерна*, т.е. обретения региональным социумом универсальных характеристик современного общества. В последние десятилетия советской эпохи (1960–1980-е гг.) соединяются два фактора, сделавшие возможным качественный рывок регионального социума на пути к современности. С одной стороны, практически завершаются

процессы структурно-функциональной дифференциации не только в социальном пространстве региона в целом, но и в этнических обществах народов республики. Семья и община утрачивают роль универсальных институтов социального воспроизводства. С другой стороны, государство, по сути, выполняет функции развития экономической и социально-культурной инфраструктуры современного общества – предприятий промышленности, транспорта, связи; учреждений, предоставляющих образовательные, медицинские, культурные, информационные (книгоиздательство, газеты, журналы, радио, телевидение) услуги. А трудовое, профессиональное, потребительское освоение всех этих сфер становится делом всего общества, каждого индивида. *Инновации получают преимущество перед традицией в массовом сознании и массовых социальных практиках. Общество выходит на траекторию общей социальной эволюции, эндогенной модернизации.*

«Эволюцию адаптации» в этой фазе можно проследить, если опираться на идеальную модель ее «предельного» развития, когда каждый член общества без участия каких-либо посредствующих институтов напрямую и без ограничений может взаимодействовать со всеми мыслимыми формами (научно-технологическими, экономическими, художественными, бытовыми) продуцируемыми на переднем крае современной мировой культуры, и сам может принимать участие в их продуцировании.

Принципиальная возможность такого взаимодействия для любых локальных социальных систем создается тем, что Э. Гидденс назвал «пространственно-временной дистанциацией». В традиционном обществе социальные взаимодействия всегда встроены в определенный пространственно-временной контекст, потому что социальное взаимодействие возможно было для субъектов, контактирующих в физическом пространстве. Пространство, время и социальные отношения тесно взаимосвязаны. Становление современного общества сопровождается «вынесением» социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия и их функционированием в неограниченных пространственно-временных масштабах [Giddens 1990: 17–29].

Внутренние идеологические и политические препятствия к этому, присущие советскому партийно-государственному режиму, были сняты в 1990-е гг. Адаптация регионального социума к окружающей социально-культурной среде и происходящим в ней процессам приобрела принципиально новый характер. В принципе теперь каждый член общества напрямую и без ограничений может взаимодействовать со всеми мыслимыми формами (научно-технологическими, экономическими, художественными, бытовыми) продуцируемыми на переднем крае современной мировой культуры, и сам может принимать участие в их продуцировании.

Но это не означает, что достигнуто некое плато, на котором общество может позволить себе передышку. Напротив, перед ним все острее встают два поистине экзистенциальных вопроса. С одной стороны, они противоречат друг другу, а с другой – необходимо найти положительное решение для обоих.

Во-первых, глобальный/общий эволюционный процесс – научно-технологический, экономический, социальный, культурный – ускоряется. Соизмеримое с ним инновационное развитие это условие сохранения отдельными национальными обществами и регионами достойного места в мире или в стране.

Во-вторых, адаптация к современному эволюционному процессу через индивидуальное инновационное поведение в условиях пространственно-временной дистанциации – вынесения социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия – не гарантирует, что регион как социопространственное образование в целом перейдет на инновационный путь развития, но при этом несет угрозу дезинтеграции локальных социокультурных систем, разрыва исторической преемственности их существования, утраты идентичности.

Таков фундаментальный аспект проблемы взаимодействия традиций и инноваций в современном развитии Кабардино-Балкарии.

Заключение

Современная глобальная эволюция предъявляет прямые, непосредственные требования к научно-технологическому, экономическому и культурно-идеологическому «оснащению» региональных социокультурных систем. Освоение соответствующих форм инновационного развития, эффективное включение в эволюционную динамику современного мира становится способом существования обществ. Это обстоятельство радикально меняет отношение «горизонта ожиданий» к «пространству опыта», к исторической традиции. Выявление и прочтение его смысла приобретает экзистенциальную значимость для нынешнего поколения. Достижение такой цели не может быть результатом эмпирических, конкретно-исторических исследований прошлого. «Смысл» – это выражение частного в общих понятиях. Теории эволюции и модернизации содержат категориальный аппарат, позволяющий интерпретировать, т.е. выявить смысл регионального исторического опыта в его отношении к проблемам современности.

Концепция качественных структурных изменений как содержания социальной эволюции задает принципиальную основу для интерпретации истории региона. В сопоставлении и даже противопоставлении «итога» и «начала» исторического процесса, его перспективы и ретроспективы раскрываются его смысл и значение.

Концепция специфической и общей эволюции позволяет синтезировать в интерпретации результаты социокультурного (цивилизационного) и модернизационного анализа исторического материала. Специфическая эволюция выступает как процесс становления традиции, своеобразия региональной социокультурной системы; общая эволюция – как процесс структурно-функциональной дифференциации, как обретение региональным социумом типологических характеристик общества модерна.

Понимание специфической и общей эволюции как самостоятельных фаз эволюционного процесса позволяет выявить глубинную темпоральную структуру истории региона, включающую в себя фазу специфической эволюции (бытования традиционного общества), фазу перехода (кризиса традиции при отсутствии структурного обновления), фазу общей эволюции (модернизации).

Адаптация как механизм регионального эволюционного процесса действует на всех его этапах. Изменения характера среды, природы вызовов, к которым должна адаптироваться региональная социокультурная система, и структурные изменения, происходящие в ней в ответ на эти вызовы, и формируют индивидуальный исторический профиль региона.

Качественные различия в природе адаптации, с одной стороны, к природной или социально-политически «близкой» среде позднего средневековья и раннего нового времени, а с другой – к социально-экономическим и культурным формам жизнедеятельности общества модерна конца XX в. позволяют поставить вопрос о критериях завершенности модернизации. Об этом можно будет говорить, когда прогрессивные изменения в региональной социально-экономической и культурной среде будут инициироваться индивидуальным актом творчества или заимствования какой-либо формы жизнедеятельности из внешней социально-культурной среды, а затем распространяться в социуме через демонстрацию конкурентных преимуществ данной формы жизнедеятельности перед традиционной, через интериоризацию новых ценностей, инструментов, моделей поведения членами социума. *Тогда адаптация преобразуется в эндогенное инновационное развитие.*

Список источников и литературы

- Вебер 1990 – Вебер М. Избранные произведения / Составление, общая редакция и послесловие Ю.Н. Давыдова; Предисловие П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Волков 1984 – Волков Л.Б. «Осовременивание вдогонку»: перипетии теории модернизации // Современные буржуазные теории общественного развития / Ответственный редактор Я.М. Бергер. М.: Наука, 1984. С. 216–246.
- Ефременко, Мелешкина 2014 – Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Теория модернизации о путях социально-экономического развития // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 3–12.
- История теоретической... 1997 – История теоретической социологии. В 5 томах. Т. 2. Социология XIX века (Профессионализация социально-научного знания). М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. 448 с.
- Классен 2000 – Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации / Под редакцией Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши М.: Логос, 2000. С. 6–23.
- Князева, Алюшин 2016 – Князева Е.Н., Алюшин А.Л. Big History: эволюционное мышление в глобальной перспективе // Век глобализации. 2016. № 3. С. 16–31.
- Коротаев 2003 – Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003. 278 с.
- Крадин, Коротаев 2014 – Крадин Н.Н., Коротаев А.В. Неоэволюционизм // Теория и методология истории: учебник для вузов / Ответственные редакторы В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 90–106.
- Кром 2021 – Кром М.М. «Методы» и «подходы»: происхождение и эволюция ключевых понятий современного исторического дискурса // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 92–108. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-92-108 /
- Масловский 2008 – Масловский М.В. Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 31–44.
- Назаретян 2008 – Назаретян А.П. Универсальная (большая) история: версии и подходы // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 5–24.
- Опыт российских... 2000 – Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. 244 с.
- Побережников 2001 – Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 217–246.
- Побережников 2006 – Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 237 с.
- Побережников 2010 – Побережников И.В. Модернизация: факторы и проявления пространственно-региональной вариации // Роль и значение региональной истории в современной российской и польской историографии: материалы российско-польского научного семинара, г. Екатеринбург, 20 октября 2008 г. Екатеринбург, 2010. С. 82–101.
- Побережников 2011 – Побережников И.В. Использование модернизационной парадигмы при изучении региональной истории России (XVIII – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 37–41.
- Побережников 2017 – Побережников И.В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 36–45.
- Поплавский и др. 2017 – Поплавский Р.О., Темплинг В.Я., Черепанов М.С., Шишелякина А.Л. Адаптация социокультурных сообществ в переходные периоды модернизации: концептуальная рамка исследования российского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 144–151.
- Савельева, Полетаев 2003 – Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.
- Спенсер 1997 – Спенсер Г. Синтетическая философия / перевод с английского П.В. Мокиевского. Киев: Ника-центр, 1997. 512 с.
- Сперанский, Сперанский 2019 – Сперанский А.В., Сперанский П.А. Модернизационная парадигма в изучении истории России: проблемы и дискуссии // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1. № 3. С. 19–27.

- Степин 2006 – *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
- Теория и методология... 2014 – Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Ответственный редактор А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
- Февр 1991 – *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. 630 с.
- Эйзенштадт 1999 – *Эйзенштадт Ш.* Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Составление, редакция и вступительная статья Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 470–480.
- Юнина-Пакулова, Сидоренко 2025 – *Юнина-Пакулова Н.Ю., Сидоренко И.А.* Понятийно-категориальный анализ термина «временная перспектива личности» в отечественной и зарубежной психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2025 № 18 (1). С. 86–97. DOI: 10.11621/TEP-25-05
- Carneiro 2003 – *Carneiro R.L.* Evolutionism in Cultural Anthropology: A Critical History. Boulder: Westview Press, 2003. 342 p.
- Christian 2004 – *Christian D.* Maps of Time: An Introduction to ‘Big History’. Berkeley, Ca.: University of California Press, 2004. 672 pp.
- Claessen 2002 – *Claessen H.J.M.* Evolution and evolutionism // Encyclopedia of social and cultural anthropology. Edited by Alan Barnard and Jonathan Spencer. London & New York: Routledge, 2002. P. 325–332.
- Evolution... 2011 – Evolution: A Big History Perspective / Edited by Leonid E. Grinin, Andrey V. Korotayev, and Barry H. Rodrigue. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House, 2011. 304 pp.
- Giddens 1984 – *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.
- Giddens 1990 – *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford (Ca): Stanford University Press, 1990. 186 p.
- Joas, Knöbl 2009 – *Joas H., Knöbl W.* Social Theory. Twenty Introductory Lectures. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 605 p.
- Parsons 1966 – *Parsons T.* Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. 120 p.
- Rüsen 2005 – *Rüsen J.* History: Narration, Interpretation, Orientation. New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. 236 p.
- Sahlins 1960 – *Sahlins M.D.* Evolution: Specific and General // Evolution and Culture. Marshall D. Sahlins and Elman R. Service, Eds. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. P. 12–44.
- Sanderson 1990 – *Sanderson S.K.* Social Evolutionism: A Critical History. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1990. 251 p.
- Sanderson 1997 – *Sanderson S.K.* Evolutionism and its Critics // Journal of World-Systems Research. 1997. Vol. 3. No 1. P. 94–114.
- Sanderson 2007 – *Sanderson S.K.* Evolutionism and Its Critics. Deconstructing and Reconstructing an Evolutionary Interpretation of Human Society – London and New York: Routledge, 2007. 374 p.
- Service 1960 – *Service E.R.* The Law of Evolutionary Potential // Evolution and Culture. Marshall D. Sahlins and Elman R. Service, Eds. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. P. 93–122.
- Spier 1996 – *Spier F.* The Structure of Big History. From the Big Bang until Today. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996. 113 p.
- Toward a General... 1951 – Toward a General Theory of Action / Edited by Talcott Parsons and Edward A. Shils. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1951. 506 p.
- Voget 1975 – *Voget F.W.* A history of ethnology. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1975. 879 p.

References

- VEBER M. *Izbrannye proizvedeniya / Sostavlenie, obshchaya redaktsiya i posleslovie Yu.N. Davydova; Predislovie P.P. Gaidenko.* [Selected Works / Compiled, edited and preface by Yu.N. Davydov; Afterword by P.P. Gaidenko]. M.: Progress, 1990. 808 p. (In Russian)
- VOLKOV L.B. «Osovremenivanie vdogonku»: *peripetii teorii modernizatsii.* [“Modernization in pursuit”: the twists and turns of modernization theory]. IN: Sovremennye burzhuanzye

teorii obshchestvennogo razvitiya / Otvetstvennyi redaktor Ya.M. Berger. M.: Nauka, 1984. P. 216–246. (In Russian)

EFREMENKO D.V., MELESHKINA E.Yu. *Teoriya modernizatsii o putyakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of modernization on the paths of socio-economic development]. IN: Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 6. P. 3–12. (In Russian)

Istoriya teoreticheskoi sotsiologii. V 5 tomakh. T. 2. Sotsiologiya XIX veka (Professionalizatsiya sotsial'no-nauchnogo znaniya). [History of Theoretical Sociology. In 5 volumes. Vol. 2. Sociology of the 19th Century (Professionalization of Social-Scientific Knowledge)]. M.: «Izdatel'stvo Magistr», 1997. 448 p. (In Russian)

KLASSEN Kh.Dzh.M. *Problemy, paradoksy i perspektivy evolyutsionizma* [Problems, paradoxes and prospects of evolutionism]. IN: Al'ternativnye puti k tsivilizatsii / Pod redaktsiei N.N. Kradina, A.V. Korotaeva, D.M. Bondarenko, V.A. Lynshi. M.: Logos, 2000. P. 6–23. (In Russian)

KNYAZEVA E.N., ALYUSHIN A.L. *Big History: evolyutsionnoe myshlenie v global'noi perspektive* [Big History: evolutionary thinking in a global perspective] IN: Vek globalizatsii. 2016. № 3. P. 16–31. (In Russian)

KOROTAEV A.V. *Sotsial'naya evolyutsiya: faktory, zakonomernosti, tendentsii*. [Social evolution: factors, patterns, trends]. M.: Vostochnaya literatura, 2003. 278 p. (In Russian)

KRADIN N.N., KOROTAEV A.V. *Neoevolyutsionizm*. [Neo-evolutionism]. IN: Teoriya i metodologiya istorii: uchebnyk dlya vuzov / Otvetstvennye redaktory V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd: Uchitel', 2014. P. 90–106. (In Russian)

KROM M.M. «Metody» i «podkhody»: *proiskhozhdenie i evolyutsiya klyuchevykh ponyatii sovremennogo istoricheskogo diskursa* [“Methods” and “approaches”: the origin and evolution of key concepts in modern historical discourse] IN: Novoe proshloe / The New Past. 2021. № 4. P. 92–108. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-92-108 (In Russian)

MASLOVSKII M.V. *Sovremennye teorii moderna i modernizatsii* [Contemporary theories of modernity and modernization]. IN: Sotsiologicheskii zhurnal. 2008. № 2. P. 31–44. (In Russian)

NAZARETYAN A.P. *Universal'naya (bol'shaya) istoriya: versii i podkhody* [Universal (big) history: versions and approaches]. IN: Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2008. № 2. P. 5–24. (In Russian)

Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX veka. [The experience of Russian modernizations in the 18th–20th centuries]. M.: Nauka, 2000. 244 p. (In Russian)

POBEREZHNIKOV I.V. *Teoriya modernizatsii: osnovnye etapy evolyutsii* [Theory of modernization: the main stages of evolution]. IN: Evraziiskoe pogranič'e. Ekaterinburg: Volot, 2001. P. 217–246. (In Russian)

POBEREZHNIKOV I.V. *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii*. [Transition from a traditional to an industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. M.: ROSSPEN, 2006. 237 p. (In Russian)

POBEREZHNIKOV I.V. *Modernizatsiya: faktory i proyavleniya prostranstvenno-regional'noi variatsii* [Modernization: factors and manifestations of spatial-regional variation]. IN: Rol' i znachenie regional'noi istorii v sovremennoi rossiiskoi i pol'skoi istoriografii: materialy rossiisko-pol'skogo nauchnogo seminara, g. Ekaterinburg, 20 oktyabrya 2008 g. Ekaterinburg, 2010. P. 82–101. (In Russian)

POBEREZHNIKOV I.V. *Ispol'zovanie modernizatsionnoi paradigmy pri izuchenii regional'noi istorii Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [Using the modernization paradigm in the study of regional history of Russia (XVIII – early XX centuries)]. IN: Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2011. № 2. P. 37–41. (In Russian)

POBEREZHNIKOV I.V. *Modernizatsiya v istorii Rossii: napravleniya i problemy izucheniya* [Modernization in the history of Russia: directions and problems of study]. IN: Ural'skii istoricheskii vestnik. 2017. № 4 (57). P. 36–45. (In Russian)

POPLAVSKII R.O., TEMPLING V.YA., CHEREPANOV M.S., SHISHELYAKINA A.A. *Adaptatsiya sotsiokul'turnykh soobshchestv v perekhodnye periody modernizatsii: kontseptual'naya ramka issledovaniya rossiiskogo regiona* [Adaptation of socio-cultural communities in transitional periods of modernization: a conceptual framework for studying the Russian region]. IN: Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2017. № 4 (39). P. 144–151. (In Russian)

- SAVEL'EVA I.M., POLETAEV A.V. *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya. V 2 tomakh. Tom. 1. Konstruirovaniye proshlogo*. [Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 volumes. Vol. 1. Constructing the Past]. St. Petersburg: Nauka, 2003. 632 p. (In Russian)
- SPENSER G. *Sinteticheskaya filosofiya / perevod s angliiskogo P.V. Mokievskogo*. [Synthetic Philosophy / translated from English by P.V. Mokievsky]. Kiev: Nika-tsentr, 1997. 512 p.
- SPERANSKII A.V., SPERANSKII P.A. *Modernizatsionnaya paradigma v izuchenii istorii Rossii: problemy i diskussii* [The Modernization Paradigm in the Study of Russian History: Problems and Discussions]. IN: *Istoriya i sovremennoye mirovozzrenie*. 2019. Vol. 1. № 3. P. 19–27. (In Russian)
- STEPIN V.S. *Filosofiya nauki. Obshchie problemy: uchebnik dlya aspirantov i soiskatelei uchenoi stepeni kandidata nauk*. [Philosophy of Science. General Problems: A Textbook for Postgraduate Students and Candidates of Science]. M.: Gardariki, 2006. 384 p. (In Russian)
- Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar' / Otvetstvennyi redaktor A.O. Chubar'yan*. [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary / Editor-in-Chief A.O. Chubaryan]. M.: Akvilon, 2014. 576 p. (In Russian)
- FEVR L. *Boi za istoriyu*. [Battles for history]. M.: Nauka, 1991. 630 p. (In Russian)
- EIZENSHTADT Sh. *Novaya paradigma modernizatsii* [New Paradigm of Modernization]. IN: *Sravnitel'noye izucheniye tsivilizatsii. Khrestomatiya: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Sostavleniye, redaktsiya i vstupitel'naya stat'ya B.S. Erasov*. M.: Aspekt press, 1999. P. 470–480. (In Russian)
- YUNINA-PAKULOVA N.YU., SIDORENKO I.A. *Ponyatiino-kategorial'nyi analiz termina «vremennaya perspektiva lichnosti» v otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii* [Conceptual and categorical analysis of the term “temporal perspective of personality” in domestic and foreign psychology]. IN: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*. 2025. № 18 (1). P. 86–97. DOI: 10.11621/TEP-25-05 (In Russian)
- CARNEIRO R.L. *Evolutionism in Cultural Anthropology: A Critical History*. Boulder: Westview Press, 2003. 342 p.
- CHRISTIAN D. *Maps of Time: An Introduction to 'Big History'*. Berkeley, Ca.: University of California Press, 2004. 672 pp.
- CLAESSEN H.J.M. *Evolution and evolutionism* // *Encyclopedia of social and cultural anthropology*. Edited by Alan Barnard and Jonathan Spencer. London & New York: Routledge, 2002. P. 325–332.
- Evolution: A Big History Perspective* / Edited by Leonid E. Grinin, Andrey V. Korotayev, and Barry H. Rodrigue. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House, 2011. 304 pp.
- GIDDENS A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.
- GIDDENS A. *The Consequences of Modernity*. Stanford (Ca): Stanford University Press, 1990. 186 p.
- JOAS H. KNÖBL W. *Social Theory. Twenty Introductory Lectures*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 605 p.
- PARSONS T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. 120 p.
- RÜSEN J. *History: Narration, Interpretation, Orientation*. New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. 236 p.
- SAHLINS M.D. *Evolution: Specific and General*. IN: *Evolution and Culture*. Marshall D. Sahlins and Elman R. Service, Eds. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. P. 12–44.
- SANDERSON S.K. *Social Evolutionism: A Critical History*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1990. 251 p.
- SANDERSON S.K. *Evolutionism and its Critics*. IN: *Journal of World- Systems Research*. 1997. Vol. 3. No 1. P. 94–114.
- SANDERSON S.K. *Evolutionism and Its Critics. Deconstructing and Reconstructing an Evolutionary Interpretation of Human Society*. London and New York: Routledge, 2007. 374 p.
- SERVICE E.R. *The Law of Evolutionary Potential*. IN: *Evolution and Culture*. Marshall D. Sahlins and Elman R. Service, Eds. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. P. 93–122.
- SPIER F. *The Structure of Big History. From the Big Bang until Today*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996. 113 p.
- Toward a General Theory of Action* / Edited by Talcott Parsons and Edward A. Shils. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1951. 506 p.
- VOGET F.W. *A history of ethnology*. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1975. 879 p.

Информация об авторе

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник КБНЦ РАН.

Information about the author

A.Kh. Borov – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the KBSC RAS.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.